

ПРАВОСЛАВНАЯ ИКОНА КАК ЭЛЕМЕНТ ИНТЕГРАЦИИ ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ В ЗАПАДНУЮ КУЛЬТУРУ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Ю. Л. Косякина,
*Южно-Уральский государственный университет,
г. Челябинск, Российская Федерация*

Актуальность исследования определяется отсутствием специальных трудов, посвященных интеграции восточно-христианской традиции иконописания в западную культуру. На основе событий и фактов, повлиявших на формирование интереса к православной иконе, выявлены основные тенденции, способствовавшие развитию иконописания на Западе: от собирания икон как феномена восточно-христианской традиции до факультативных практик в рамках общего знакомства с культурными достижениями иных конфессий. Делается вывод, что приобщение к живой практике иконописания в современном социокультурном пространстве Запада свидетельствует о динамике православной традиции, а также о неоднозначных процессах исторической рефлексии, обращенной к наследию ранее единой Церкви до Великой схизмы.

Ключевые слова: восточно-христианская традиция, иконописание, иконописцы, православная икона, русское зарубежье, христианское искусство Запада, церковное искусство.

«Каждой из исторических ветвей вселенского христианства дан свой особый дар, преимущественно ее выделяющий, <...> Византии и России дано видение умной красоты духовного мира» [12, с. 295]. Это «видение умной красоты» в первом тысячелетии неразделенной Церкви было единым: иконописные каноны и система художественно-выразительных средств особо не отличалась в регионах всего христианского мира. На Западе с XIV в. зарождается новая по типу культура, целью которой стала гармонически развитая человеческая личность, обладающая огромным творческим потенциалом, готовая преобразовать духовный облик Европы. Неизобразимое мыслилось в тех же категориях, что и реальный мир, произошел отказ от канонических принципов в церковной живописи, который привел к потере, а точнее к подмене Образа, встав на другой путь развития — путь индивидуализма, породивший *ἀλοστασις* (др.-греч. отдаление, отклонение) и в какой-то степени спровоцировавший иконоборчество реформации.

Контрреформация вынуждена была влиять на развитие западного церковного искусства, начиная с Тридентского собора (1545—1563), на котором принято постановление «О призвании, почитании и мощах святых, и о священных образах», подтверждающее решения VII Вселенского собора с указанием конкретных мер по надзору священного искусства в лице епископов. Столетием позже папа Урбан VIII в энциклике ужесточает требования, указывая, что образы должны соответствовать «тому, что Католическая Церковь приемлет с самых древних времен» [2, с. 191]. Тем не менее, в пространство католической церкви продолжают проникать новые художественные формы, не имеющие никакого отношения не только к христианской традиции, но и к подлинному искусству. Сакральное искусство

Запада все больше приближалось к состоянию кризиса из-за забвения или неприятия церковной традиции.

Для человека прошлых эпох традиция передавалась из поколения в поколение как неотъемлемый элемент жизни, как связующее времена начало, современный католический богослов Йозеф Ратцингер (ныне папа Бенедикт XVI) называет этот процесс «программирующей матрицей». Секулярный XX век стал ярким примером того, как рушится связь времен, где человек, свободный от авторитетов прошлого, от традиций, от веры тем самым оторван от Бога, как источника бытия. Сегодня господствует прямо противоположное ощущение: традиция представляется чем-то отжившим, чем-то исключительно вчерашним, а прогресс — подлинным обетованием бытия, так что человек видит себя живущим не в традиции, не в прошлом, а в пространстве прогресса и будущего. И та вера, которую он находит в рубрике «традиция», должна поэтому ему казаться преодоленной, он не находит ей место для жизни, поскольку открыл будущее, как свою подлинную обязанность и возможность [10, с. 22].

Папа Пий XII в энциклике «*Mediator Dai*» (1947) в духе традиционного учения Церкви запретил использовать в храмах образы, не пробуждающие в молящихся религиозного благочестия, и вместе с тем не пренебрегать новым исканиям в современном искусстве, руководствуясь требованиями христианской общины, а не личными суждениями и вкусами художников [11, с. 334].

И, наконец, Второй Ватиканский Собор (1962—1965) вновь подчеркивает важность священного искусства [4, с. 113—115], но уже в парадигме секулярного мира. В VII главе говорится, что Церковь признает художественные стили любой эпохи, «современное искусство, а также искусство всех на-

родов и стран, должно обладать в Церкви свободой выражения, если оно с должным благоговением и должной честью служит священным храмам и священным обрядам» [4, с. 114].

Сегодня интерес к восточно-христианской иконописной традиции растет не только на Западе, но и во всем мире. Инославные конфессии, не способные духовно питать изнутри собственные церковные искусства, испытывают острый интерес к православной иконе с заметной тенденцией не только иметь иконы, но и стать причастником живой иконописной традиции. «Современный западный мир открывает для себя христианский Восток через икону. Образ говорит сегодня больше, чем слово, ибо до сих пор слова только разделяли два мира христиан — православных и католиков» [14, с. 280—281]. Процесс интеграции православной иконы в западную культуру очевиден и причины следует искать не в настоящем, этот процесс имеет более глубокие корни. В исторической перспективе важно проследить, какие события и факты повлияли на формирование интереса к православной иконе на Западе, а также выявить основные тенденции, способствовавшие процессу развития интеграции иконописания как элемента восточно-христианской традиции в западную культуру.

Интерес к древности, в том числе к средневековой иконе, стимулированный археологическими открытиями, отмечен рубежом XVIII—XIX вв.; первые десятилетия XIX в. пронизаны вниманием к России в связи с победоносным завершением военной кампании Александра I. Эти предпосылки повлекли за собой развитие собирательства и формирование коллекций как в России, так и за рубежом. Известные музеи и коллекционеры Европы начинают скупать иконы (часто ошибочно приписывая датировку и принадлежность иконописной традиции). Известно, что в 1814 г. И. В. Гете обратился к российскому правительству с просьбой предоставить ему информацию об иконах Суздаля и прислать несколько экземпляров для известного коллекционера в Германии, но его просьба осталась безответной, так как иконописания в это время в Суздале уже не было¹.

С середины XIX века православная икона становится предметом научного изучения, появляются отдельные деятели, которые начинают изучать и, в какой-то степени пропагандировать искусство иконы (И. М. Снегирев, Д. А. Ровинский), но наравне с народными традициями, народными праздниками, лубочными картинками, как элемент отечественной православной культуры, которая была им дорога своей православной традицией, своей русскостью. Благодаря Всемирным промышленным выставкам, где в национальных павильонах иконы демонстрируются вместе с предметами старины, вторая половина XIX века отмечена ростом интереса к русской иконе. Г. И. Вздорнов отмечает, что «ретроспективные отделы русских павильонов, где экспонирова-

лись иконы, рассматривались скорее как экзотика, а не искусство в подлинном значении этого слова» [3, с. 205]. Устойчивый интерес к иконе способствовал дальнейшему развитию коллекционирования как в России, так и за рубежом; экспозиции первых публичных выставок, формируются главным образом из частных коллекций известных собирателей и коллекционеров (графа Уварова, В. П. Рябушинского, С. И. Щукина и других). Русская икона все больше привлекает внимание зарубежных коллекционеров, особый интерес к ней проявлял принц Иоганн Георг Саксонский (1869—1938), признанный эксперт в области искусства. В 1898 г. он приехал в Россию, чтобы изучать сокровища церквей и монастырей [13, с. 178]. Организация выставочной деятельности и становление научной реставрации в России на рубеже XIX — начала XX веков, привели к новому осмыслению православной иконы, ставшей центром внимания реставраторов, коллекционеров, исследователей, художников, для которых икона открывается как произведение искусства, требующее художественно-эстетического подхода. Надо признать, что существенным фактором послужил приезд известного французского импрессиониста Анри Матисса в 1911 г. в Москву, восхищенного красотой русской иконы.

И, наконец, икону начинают изучать совершенно с других позиций, впервые появляется попытка осмыслить икону как богословский феномен, раскрывая язык иконы, возвращая ей литургический и догматический смысл (граф Евгений Трубецкой, о. Павел (Флоренский)). Открытие православной иконы в начале XX века в России стало симптоматичным в преддверии страшных событий катастроф, воин и революций, когда икона не только смогла выжить, но и открыть себя на Западе. Именно это стало подлинным открытием иконы не только для православного мира, но и для католиков, и для протестантов — для всей христианской ойкумены. Сегодня все христиане могут приобщиться к этому опыту и откровению Вселенской Церкви [14, с. 257—258].

Главным фактором, повлиявшим на знакомство Западного мира с культурой, мыслью и живой религиозной традицией православия, стала русская эмиграция XX века, как часть глобального тренда — выхода религии из своих географических и этнических ареалов. Русское зарубежье, повлиявшее на христианский мир XX века — феномен, который до конца не осмыслен. Большую роль во встрече двух культур сыграли иконописные и богословские традиции, привнесенные русскими эмигрантами. Деятельность русского зарубежья после первой волны эмиграции поразительна: за два десятилетия между мировыми войнами ее участники, как было подсчитано, опубликовали 10 тысяч книг и 200 журналов, не считая литературных и научных обозрений» [6, с. 182].

Свято-Сергиевский богословский институт в Париже, основанный в 1925 г. о. Сергием (Булгаковым), сыграл важную роль встречи между православными и инославными. Здесь продолжилось изучение иконы, прерванное в России в связи с революционными событиями. Русская иконографическая школа во

¹ В 1896 г. вышла статья директора Императорской публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко, в которой упоминалось значимое для европейской культуры имя немецкого поэта, государственного деятеля, естествоиспытателя И. В. Гете.

главе с Н. П. Кондаковым нашла новую возможность дальнейшего развития за границей, сначала в Белграде, затем в Праге. Благодаря Н. П. Кондакову и его ученикам западная наука стала развивать исследования по иконографии. Особая роль принадлежит Обществу «Икона», основанному в 1927 г. в Париже по инициативе В. П. Рябушинского, знатока и энтузиаста иконописного дела, главного идеолога; основной целью организации было изучение и охрана древней иконы и искусства Восточной Церкви. Под своей эгидой Общество объединило многих художников-иконописцев, архитекторов, ученых и писателей Франции, Англии, Чехии, Германии, Бельгии, Швейцарии, Финляндии, оказало сильное влияние на духовное настроение христианского мира и на культуру Западной Европы.

Открывая красоту и значение русской иконы, это замечательное объединение подвижников и единомышленников создало в эмиграции целый пласт культурного наследия. Последовательно возрождая иконописную традицию, членами общества было создано большое количество икон не только для христианского мира Европы, но и для Австралии, США и Южной Америки. Удивляет широта деятельности Общества: сотрудничество с известными учеными, написание икон, росписи храмов, проведение лекций, создание памятников, открытие библиотеки и артели для начинающих иконописцев. Не менее значима организация выставочной деятельности, почти за 70 лет было открыто 42 выставки, самая значительная состоялась в ноябре 1988 года в Париже, посвященная 1000-летию Крещения Руси. Опыт многолетней деятельности Общества «Икона» не оценим — возвращение к истокам древнерусской традиции иконописания. Ведущими иконописцами были русские эмигранты инок Григорий (Круг), Л. А. Успенский, сестра Иоанна (Рейтлингер), Георгий Морозов, кн. Елена Львова, повлиявшие на распространение иконописания на Западе. Творчество инока Григория (Круга) является связующей нитью между иконописной традицией дореволюционной России и тем открытием православной иконы, которую сейчас переживает Запад. Корни его иконописного искусства, безусловно, следует искать на русской почве, но развилось и окрепло оно в иной среде, где Русская Православная Церковь была лишь маленьким островком в огромном море инославного мира [14, с. 265]. Жизнь Общества «Икона» сегодня изменилась, но цели остались прежними.

Русские эмигранты, оказавшиеся за границей после революции 1917 года, открыли для Запада живую традицию иконописания, свидетельствуя, что икона может жить и развиваться в пространстве иной культуры. Во многом интерес к иконе был расширен и благодаря русским религиозным философам за границей — Сергею Булгакову, Владимиру Лосскому.

Для русской диаспоры в межвоенный период были характерны интенсивные контакты между культурной частью, иногда модернистически ориентированной и собственно представителями Церкви. Яркой фигурой, иллюстрирующей этот процесс, был выдающийся духовный писатель, художник по образованию, пользующийся большим авторитетом в

странах Запада, архимандрит Сафроний (Сахаров). В межвоенный период входил в круг Кандинского с очень интенсивными мировоззренческими поисками. Пережив духовный кризис, он начинает учиться в Свято-Сергиевском православном институте, слушает лекции Сергия (Булгакова). Понимая, что этого не достаточно, он уезжает на Афон и только после войны возвращается во Францию, формирует кружок, вокруг которого собираются представители самых разных стран и наций, искавших истину в православии. Сам о. Сафроний (Сахаров) стал ярким примером преодоления разрыва между интеллектуальной элитой общества и Церковью в эмиграции, который существовал до революции и, этот опыт хорошо показан в судьбе архимандрита Сафрония (Сахарова).

Если первая волна русских эмигрантов хранила свою русскость, так как мечтала о возвращении в Россию для ее служения, то волна эмигрантов после второй мировой войны знала, что такое жизнь при советской власти и уже не собиралась возвращаться в Советский Союз; в ее задачу входила интеграция в западную жизнь и в западную культуру. Важно подчеркнуть, что в послевоенный период русская диаспора приобрела мировой охват. Продолжатели традиций Парижской богословской школы о. Георгий (Флоровский), о. Александр (Шмеман), о. Иоанн (Мейендорф) и другие основатели Свято-Владимирской духовной семинарии проповедуют Православие, которое, по словам о. Александра (Шмемана) дает ответы на самые острые вопросы современности, а не живет стилизацией под национальную экзотику. Отстаивание православной иконописной традиции — это тоже борьба за святое Православие, в этом большая заслуга о. Киприана (Пыжова), жизнь которого посвящена развитию и укоренению древнерусской школы иконописи в странах русского рассеяния. Ему принадлежит открытие иконописания для Америки. Во многих православных храмах под его влиянием была заменена религиозная живопись на канонические стенописи и иконы. В этом и заключалась главная его заслуга в возрождении и утверждении православной иконописной традиции, являющейся частью Священного Предания. Вся жизнь о. Киприана проникнута служением к Богу и людям, главным образом через церковное искусство. То, что он оставил после себя, по праву называется Джорданвилльской иконописной школой или школой о. Киприана. Эту школу прошли хорошо известные в русском церковном зарубежье имена — архиепископа Алипия Чикагского и Детройтского, архимандрита Алексия (Розентула), иерея Федора (Юревича), иеромонаха Андрея (Эрастова), теща Владимира Красовского, также оказал влияние и на других иконописцев, которые наполнили каноническими образами многие христианские храмы мира.

Влияние русской эмиграции на Западную культуру не осталось без последствий для Западной культуры в целом, ее истинное значение еще предстоит оценить в будущем, когда время позволит более объективно оценить историю XX века. Но, несомненно, феномен русского зарубежья XX века заключается в его служении вечным истинам, в том числе и

христианским, ознакомлении европейской общечеловеческой ответственности с российскими вековыми культурными, нравственными и религиозными ценностями.

В России же, официальная идеология стремилась истребить все, что связано с православной традицией, тем не менее, иконописание изучалось и развивалось в СССР, но нелегально под видом реставрационных работ, в кругах художников-реставраторов, много сделавших для открытия древнерусской живописи. В восстановлении традиции иконописания в советское время большая роль отведена М. Н. Соколовой (тайно принявшей постриг с именем Иулиания), ученица известного реставратора В. А. Кирикова. В 1958 г. ее стараниями был открыт иконописный кружок, (в постсоветский период иконописное отделение Московской духовной академии), из которого вышли многие теперь известные иконописцы.

В СССР заниматься иконописанием частным образом было запрещено и уголовно наказуемо, но на свой страх и риск иконы все же писали. Одним из таких подвижников была К. М. Покровская; в 1960-е годы в домашних условиях по благословению о. Александра (Меня) начинает писать иконы, через двадцать лет собирав учеников, обучает их в своей частной мастерской. В 1991 г. уезжает с семьей в Америку, где смогла активно и плодотворно работать, обучать иконописному мастерству, и для Америки такой опыт становится не менее уникальным, чем для России.

Зарубежные художники в 1960-е и 1970-е гг. могли приехать в Россию для изучения реставрации в Русском музее и знакомства с древнерусской живописью, как, например, художницы из Финляндии Хелен Никканен и Марианна Ф. Инкенберг-Глушкова (ученицы Л. А. Успенского). Сегодня среди населения Финляндии, независимо от вероисповедания, наблюдается живой интерес к иконописи, в светских учебных заведениях существуют иконописные курсы [8, с. 250—252].

На Западе в это время Второй Ватиканский Собор делает акцент на сохранение и расширение христианских традиций, сформировавшихся в эпоху неразделенной Церкви. Католическая Церковь уже не могла опираться исключительно на свой опыт, что и повлияло на обращение к восточно-христианским традициям. Неслучайно интерес к православной традиции проявляли крупнейшие католические богословы XX века Анри де Любак, Ганс Урс фон Бальтазар, Кристоф Шенборн и другие. Тем самым некоторые католические монастыри предприняли попытку освоения традиции иконописания. Показательным примером является Крестовоздвиженский бенедиктинский монастырь в Шевтони (Бельгия), основанный в 1925 году. Со временем монастырь становится местом знакомства западных христиан с прекрасными образцами искусства христианского Востока. Монахи монастыря не только приглашают иконописцев из Греции, Румынии, России, но и сами освоили традицию иконописания. Чин литургии здесь совершается в двух обрядах — в византийском и латинском. В храме, построенном в древнерусском стиле, литургия совершается в византийской традиции, в 1960-е годы его расписывали русские эми-

гранты. Католический храм в 1990-е годы расписывал известный российский иконописец архимандрит Зинов (Теодор), ему принадлежит фреска в алтаре «Спас Вседержитель в окружении евангелистских символов» в романском стиле (рис. 1), к двухтысячелетнему юбилею христианства в нартексе им написан образ Небесного Иерусалима.

Опыт постижения восточно-христианской традиции иконописания существует и в монастырях Нидральтайх в Германии, Бозе в Италии, во французской общине Беатитюд. Старейшим католическим центром во Франции, активно перенимавший духовно-христианскую традицию, долгие годы был Сент-Жорж в Медоне, в течение 30 лет сюда приезжали учиться иконописанию со всего мира. Интересен опыт католического священника, немецкого иезуита, иконописца, одного из ведущих западных исследователей в области иконописания — Эгона (Игоря) Сендлера, для которого опыт познания Православия и русской духовности начался в России; оказавшись военнопленным, он был потрясен добротой и верой русского народа в годы атеизма. Целью жизни стали его слова: «Если выживу, буду изучать религиозную культуру России и буду работать для единства христиан» [7].

После открытия железного занавеса в СССР, начинается возрождаться религиозная жизнь, иконописание становится легитимным и востребованным, художники начинают постигать секреты иконописания и благоукрашать восстановленные и вновь построенные храмы, в учебных заведениях открываются иконописные отделения. Интерес к традициям православной культуры на Западе только возрастает, для знакомства с живой иконописной традицией из разных стран приезжают представители христианских конфессий. Обучение востребовано и на Западе, где есть иконописные центры, в которых трудятся в основном светские люди, например, школа в Сериате при фонде «Russia Cristiana» в окрестностях Бергамо в Италии, основанная в 1980-е годы с целью возрождения традиции западной духовности, уходящей в первое тысячелетие — эпоху неразделенной Церкви. Основатель общества Романо Скальфи считает, что икона — «сокровище, которое соединяет Запад и Восток, потому как свое рождение оно обрело в единой Церкви». В Риме, Равенне и других городах Италии сохранились раннехристианские образцы мозаики, фрески, иконы, и сегодня итальянцы не без влияния русских возвращаются к своим истокам. Благодаря иконописной школе при «Russia Cristiana» с 1990-х годов ведут преподавательскую деятельность известные художники-иконописцы из России, такие как А. Овчинников, Александр Стальнов, Андрей Давыдов и другие. Эта работа продолжается и сегодня в разных форматах: мастер-классы, лекции, семинары, курсы. Ученики российских иконописцев сегодня сами активно работают в Италии, ведут курсы и просветительскую деятельность. Возникает вопрос, почему итальянцев интересует иконописное мастерство в русской традиции? Александр Стальнов высказывает мнение, что итальянцы видят именно в русской иконе воплощение идеальной иконописи, не отягощенной классическим искусством. Другой известный

Рис. 1. Спас Вседержитель в окружении евангелистских символов. 1994. Архимандрит Зинон (Теодор). Крестовоздвиженский монастырь в Шевтонь. Бельгия. Ист.: <http://www.cirota.ru/forum/view.php?fullview=1&order=asc&subj=32581>

иконописец Андрей Давыдов, работающий в технике энкастики¹, признается, что «так как интерес к иконе на Запад пришел из России, то западные иконописцы начинают свое с ней знакомство с русских образцов, и мне приходится объяснять, что мозаики Равенны VI века — это значимая часть нашей общей иконописной традиции, и здесь мы можем многому научиться, так как многие иконы являются классическими образцами церковного искусства периода до разделения Церкви» [1].

Уникальным опытом иконописца и, в то же время катехизатора, делится Владимир Григоренко, работающий в США много лет. Церковные росписи, по его мнению, играют миссионерскую роль, интерес вызывает архитектура и убранство храма, который открыт для всех. Среди посетителей есть и католики, и протестанты, которым приходится много рассказывать о храме и о программе росписей, и никто ни разу не упрекнул в идолопоклонстве, более того, можно услышать от инославных фразу «как жаль, что мы это утратили» [5]. «Икона должна выполнять ту дидактическую роль, которая была ей отведена на Седьмом Экуменическом (Вселенском) Соборе <...>, ценность иконы должна быть заново пересмотрена теми церквями, которые не подпали под влияние православной традиции, но на которые оказало воздействие богословие Реформации или их собственные предубеждения и подозрения. Это позволит иконе стать частью христианского

¹ Энкастика (греч.) — техника живописи, известная еще с античных времен, в которой связующим веществом красок является воск.

богослужения и наследия в рамках неправославной традиции, а также даст всем нам возможность оценить вклад Православия во вселенское христианство» [9].

Интерес к восточно-христианским традициям не обошел и Ватикан. Папа Иоанн Павел II приглашает российского художника-мозаичиста Александра Корноухова украсить капеллу «Mater Redemptoris»² в честь 2000-летия христианства. Удивляет сам факт приглашения православного художника для работы в папской Капелле, в самом сердце Ватикана; трудно представить, что на месторождении христианских мозаик, где существуют разные школы и многочисленные мастерские, нетрудно было бы найти и мастеров. В концепцию мозаичной живописи входила идея единства христианской традиции и примирения Церквей и в то же время примирения Церквей и светской культуры. Концептуальный подход к решению этой сложной задачи исключал стилизацию и репродуцирование образов прошлого, сам сюжет мозаичной живописи «Пасхальный и евхаристический пир святых разных времен и народов в Небесном Иерусалиме» требовал нового прочтения и богословского осмысления (рис. 2), Александр Корноухов блестяще справился с этой задачей. Это стало свидетельством не только интеграции православной традиции в пространство

² Капелла «Redemptoris Mater» (лат. Матери Искупителя) была торжественно открыта в 1999 году после реставрации. До 1988 года она носила имя святой Матильды, но была переименована в честь энциклики Иоанна Павла II.

иной культуры, но и трансляции духовного опыта, той программирующей матрицей, о которой писал Йозеф Ратцингер, и такие произведения побуждают искать согласия среди людей и созидания мира.

Сегодня мы живем в эпоху поликультурности, в которой происходит не только смешение стилей, но и культур, православной традиции сегодня приходится вступать в диалог с культурой постмодерна, а христианскому Востоку с христианским Западом. Тенденции, возникающие в социокультурном пространстве Европы, видеть икону, изучать, и главное — прикоснуться к живой традиции, свидетельствуют о признаке исторической рефлексии, которая обращает к наследию неразделенной Церкви. Если на Западе есть потребность в каноническом образе, значит, будет потребность и в художественном образе. Может быть, настанет время, когда произойдет восстановление разорванной традиции и человечество попытается найти путь от разобщенности к единству.

Таким образом, на протяжении двух столетий прослеживается ряд тенденций, способствующих интеграции восточно-христианской традиции в западную культуру — от собирания икон как феномена восточно-христианской традиции до факультативных практик в рамках общего знакомства с культурными достижениями иных конфессий и вероисповеданий. Что побуждает людей иной культуры изучать икону и приобщаться к живой традиции? Наверно, это одно из главных и трудно объяснимых явлений в культуре постмодерна, которое заслуживает пристального внимания и изучения. Но можно с уверенностью утверждать,

что процессы интеграции восточно-христианских традиций иконописания еще не закончены и, возможно, в будущем мы станем свидетелями новых процессов и явлений с ними связанных.

Литература и источники

1. Андрей (Давыдов), священник: проповедь через икону призвана быть живой. — URL: <http://kotovsk-istok.com.ua/culture/78-izobrazitelnoe-iskustvo/1379-cvyashchennik-andrej-davydov-propoved-cherez-ikonu-prizvana-byt-zhivoj.html?start=1> (дата обращения: 11.08.2018).
2. Безансон, А. Запретный образ: интеллектуальная история иконоборчества / А. Безансон. — М. : МИК, 1999. — 424 с.
3. Вздорнов, Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи, XIX век / Г. И. Вздорнов. — М. : Искусство, 1986. — 384 с.
4. Второй Ватиканский Собор. Конституции, Декреты, Декларации. — Брюссель : Жизнь с Богом, 1992. — 530 с.
5. Григоренко, В. В. Опыт создания и восприятия росписи современного православного храма в США / В. В. Григоренко // Церковное искусство: его восприятие и преподавание : материалы Всер. конф. с уч. заруб. спец. (Москва, 11—12 мая 2006 г.). — М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2007. С. 190—211.
6. Каллист Диоклийский (Уэр), епископ. Православная Церковь / епископ Каллист Диоклийский (Уэр). — М. : ББИ, 2001. — 376 с.
7. Колупаев, В. Е. Эгон (Игорь) Сендлер и русская икона на Западе // *Studia Humanitatis*. — 2015. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/egon-igor-sendler-i-russkaya-ikona-na-zapade> (дата обращения: 19.11.2018).

Рис. 2. Мозаики для Капеллы Redemptoris Mater. Ватикан. 1996—1998. Корноухов А. Д. при участии Марии Корноуховой, Левана Навериани, Амираана Бакуридзе, Игоря Чередникова.
Ист.: <https://www.kornoukhov.com/kopiya-1996-1997-karaganda-dk-nemce>

8. Никканен, Х. / Возрождение православной иконописи в Финляндии / Х. Никканен, М.Ф. Инкенберг-Глушкова. // Церковное искусство: модернизм и традиция : сб. ст. по материалам науч. конф. — СПб. : Изд-во Института им. И. Е. Репина, 2005. — С. 250—252.

9. Петренко, В. И. Богословие икон. Протестантская точка зрения / В. И. Петренко. — СПб. : Библия для всех, 2000. — 192 с.

10. Ратцингер, И. (Бенедикт XVI). Введение в христианство / И. Ратцингер (Бенедикт XVI). — М. : ББИ, 2006. — 304 с.

11. Рашкова, Р. Т. Ватикан и современная культура / Р. Т. Рашкова. — М. : Политиздат, 1989. — 416 с.

12. Сергей (Булгаков), свящ., Православие. Очерки учения православной Церкви / Сергей (Булгаков), свящ. — Paris : YMCA-Press, 1964. — 403 с.

13. Юренева, Т. Ю. Русская икона в европейских музейных собраниях / Т. Ю. Юренева // Вестник славянских культур. — 2017. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-ikona-v-evropeyskih-muzeynyh-sobraniyah> (дата обращения: 05.12.2018).

14. Языкова, И. К. Со-творение образа. Богословие иконы / И. К. Языкова. — М. : ББИ, 2014. — 368 с.: ил.

КОСЯКИНА Юлия Леонидовна, ст. преподаватель кафедры теологии, культуры и искусства, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация). E-mail: kosiakinayl@susu.ru

Поступила в редакцию 3 декабря 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh190108

ORTHODOX ICON AS AN ELEMENT OF INTEGRATION OF THE EASTERN CHRISTIAN TRADITION IN WESTERN CULTURE (TO THE PROBLEM STATEMENT)

J. L. Kosyakina, kosiakinayl@susu.ru
South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

The relevance of the research is determined by the lack of special works devoted to the integration of the Eastern Christian tradition of icon painting into Western culture. On the basis of the events and facts that influenced the formation of interest in the Orthodox icon, the main trends that contributed to the development of icon painting in the West are revealed: from the collection of icons as a phenomenon of the Eastern Christian tradition to optional practices within the framework of general dating with the cultural achievements of other confessions. It is concluded that the introduction to the living practice of icon painting in the modern socio-cultural space of the West testifies to the dynamics of the Orthodox tradition, and also on the basis of historical reflection, addressed to the legacy of the earlier United Church before the Great schism.

Keywords: Eastern Christian tradition, icon painting, iconographer, Orthodox icon, Russian Diaspora, Christian art of the West, Church art.

References

1. Andrej (Davydov), svyashchennik: Propoved' cherez ikonu prizvana byt' zhivoj [Preaching through the icon is called to be alive]. <http://kotovsk-istok.com.ua/culture/78-izobrazitelnoe-iskustvo/1379-cvyashchennik-andrej-davydov-propoved-cherez-ikonu-prizvana-byt-zhivoj.html?start=1>. (data obrashheniya: 11.08.2018).

2. Bezanson, A. Zapretnyj obraz: intellektual'naya istoriya ikonoborchestva [The forbidden image: an intellectual history of iconoclasm]. / A. Bezanson. — M.: MIK, 1999. — 424 s.

3. Vzdornov, G.I. Istoriya otkrytiya i izucheniya russkoj srednevekovoj zhivopisi, XIX vek [History of discovery and study of Russian medieval painting, XIX century] / G.I. Vzdornov. — M.: Iskusstvo, 1986. — 384 s.

4. Vtoroj Vatikanskij Sobor. Konstitutsii, Dekrety, Deklaratsii. [Second Vatican Council. Constitutions, Decrees, Declarations.] Bryussel': ZHizn' s Bogom, 1992. — 530 s.

5. Grigorenko, V.V. Opyt sozdaniya i vospriyatiya rospisi sovremennogo pravoslavnogo khrama v SSHA [Experience of creation and perception of a painting of a modern Orthodox Church in the USA] / V.V. Grigorenko // TSerkovnoe iskusstvo : Ego vospriyatie i prepodavanie : Materialy Vser. konf. s uch. zarubezh. spets. (Moskva, 11-12 maya 2006 g.). M.: Svyato-Filaretovskij pravoslavno-khristianskij institut, 2007. S.190-211.

6. Kallist Dioklijskij (Uehr), episkop. Pravoslavnaya TSerkov' [Orthodox church] / episkop. Kallist Dioklijskij (Uehr). — M.: BBI, 2001. — 376 s.

7. Kolupaev, V.E. EHgon (Igor') Sendler i russkaya ikona na Zapade [Egon (Igor) Sendler and Russian icon in the West]. // Studia Humanitatis. 2015. №2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/egon-igor-sendler-i-russkaya-ikona-na-zapade> (data obrashheniya: 19.11.2018).

8. Nikkanen, KH., Inkenberg-Glushkova, M.F. / KH. Nikkanen, M.F. Inkenberg-Glushkova. / Возрождение православной иконописи в Финляндии [Revival of Orthodox icon painting in Finland] // TSerkovnoe iskusstvo: modernizm i traditsiya : sb. st. po materialam nauch. konf. — SPb.: Izd-vo Instituta im. I.E. Repina, 2005. — S.250-252.

9. Petrenko V.I. Bogoslovie ikon. Protestantskaya tochka zreniya Theology of icons. Protestant point of view / V.I. Petrenko. — SPb.: Bibliya dlya vsekh, 2000. — 192 s.

10. Rattsinger I. (Benedikt XVI). Vvedenie v khristianstvo [Introduction to Christianity]. / I. Rattsinger (Benedikt XVI). — M.: BBI, 2006. — 304 s.

11. Rashkova R. T. Vatikan i sovremennaya kul'tura [Vatican and modern culture] / R. T. Rashkova. — М.: Politizdat, 1989. — 416 s.
12. Sergij (Bulgakov), svyashh., Pravoslavie. Ocherki ucheniya pravoslavnoj Tserkvi [Orthodoxy. Essays on the teachings of the Orthodox Church]. / Sergij (Bulgakov), svyashh. — Paris: YMCA-Press, 1964. — 403 s.
13. YUreueva, T. YU. Russkaya ikona v evropejskikh muzejnykh sobraniyakh [Russian icons in European museums]. / T. YU. YUreueva // Vestnik slavyanskikh kul'tur. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-ikona-v-evropejskikh-muzejnyh-sobraniyah> (data obrashheniya: 05.12.2018).
14. YAzykova, I. K. So-tvorenje obraza. Bogoslovie ikony [Co-creation of the image. Theology of the icon]. / I. K. YAzykova. — М.: BBI, 2014. — 368 s.:ill.

Received Desember 3, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Косякина, Ю. Л. Православная икона как элемент интеграции восточно-христианской традиции в западную культуру (к постановке проблемы) / Ю. Л. Косякина // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2019. — Т. 19, № 1. — С. 52—59. DOI: 10.14529/ssh190108

FOR CITATION

Kosyakina J. L. Orthodox icon as an element of integration of the eastern christian tradition in western culture (to the problem statement). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2019, vol. 19, no. 1, pp. 52—59. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh190108